

ЗНАЙ НАШИХ!

Настоящая звезда

Самую важную награду Строгановской премии — «За честь и достоинство» — по итогам 2013 года получил лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов

Светлана Федотова

Многие регионы России считают Алексея Леонова своим: в одном он родился, в другом учился, в третьем работал. В Кемерово, к примеру, его именем назвали международный аэропорт! Но Пермский край считает свои отношения с первым человеком, вышедшим в открытый космос, особыми — здесь Алексей Леонов вместе с Павлом Беляевым благополучно приземлились после «космической одиссеи» в марте 1965 года. В 2015 году у этого события «золотой юбилей» — 50 лет, а самому Леонову в мае исполнилось 80.

Первым делом Алексей Архипович спрашивает, солёные ли у меня уши, потом вспоминает пермяков, которых знает и любит. Первым называет имя Бориса Коноплёва. «Большой друг и могучий человек», — так он говорит.

В 1965 году Борис Всеволодович был председателем Пермского облисполкома и лично принимал участие в спасательной операции, выглядывая с вертолёт в синей тайге космический корабль. С тех пор всякий раз, когда Леонов бывал в Перми, они встречались.

Алексей Леонов, лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза:

— Мне особо запомнилась одна встреча. Мы выехали на природу, была белая-белая ночь и пели соловьи! Коноплёв рассказывал о своей жизни, и рассказ этого мудрейшего человека навсегда остался в моей памяти.

Кстати, в 1965 году в Пермь космонавты так и не заехали: доложив по телефону Леониду Брежневу о выполнении задания, они тут же сели в самолёт и полетели в Казахстан, на базу. Впервые после того полёта в Пермской области Алексей Леонов оказался лишь в 1975 году, когда праздновалось 10-летие приземления. Решили слетать к месту посадки. Алексей Леонов сам был за штурвалом вертолёта. В полёте Роберт Вагин, тогда — первый секретарь Березниковского горкома КПСС, посетовал, что забыл дома ключи. Леонов недолго думая приземлился на Березниковском стадионе: иди, говорит. Для Вагина это был шок!

«Жив ли Роберт Вагин?» — спросил меня космонавт. «Жив!»

Следующим пермяком, к которому он относится с большим уважением, Леонов назвал Геннадия Игумнова. С ним была такая история.

В 1990-е годы космонавт Леонов вышел в отставку и стал работать в Альфа-банке, который приобрёл пермский завод «Пемос». Проблем там было много: государство не заплатило за поставку продукции примерно 4 млрд руб. и на такую же сумму набежало неуплаченных налогов. Если бы всё это реструктурировать и погасить взаимную задолженность, то предприятие бы задышало и начало ритмично работать. Предыдущие менеджеры никак не могли спра-

виться с этой задачей. Тогда в Пермь поехал Алексей Леонов. Первым делом он связался с Геннадием Игумновым, который тогда был губернатором, и проблема тут же была решена.

Алексей Леонов:

— Геннадий Игумнов — большая личность, и он умеет мыслить стратегически. У нас мало подобных руководителей, которые бы мыслили государственными интересами. У таких людей надо учиться, как работать. Передаю ему привет!

Три года Леонов был председателем совета директоров ОАО «Пемос», в результате помог поставить предприятие на ноги. Торговать стали «с колёс», а ведь перед этим стиральным порошком были забиты все склады. Леонов даже сам разработал дизайн упаковочных коробок!

Появился покупатель на этот завод — Procter&Gamble, но нужно было решить вопрос с «социалкой». Город отказывался её принимать, а покупатель не хотел приобретать актив с таким обременением. Тут уж Алексею Леонову помог Юрий Трутнев, тогда мэр Перми.

«Пемос» стал первым серьёзным бизнес-проектом Леонова, а Пермь укрепила свои позиции как город, который приносит ему удачу.

Кстати, Алексей Леонов знает Пермь очень хорошо, в том числе и её историю. Он лучше любого экскурсовода рассказывает о пермских деревянных богатых и о культурной тоске перед Великой Отечественной войной, о восторге, с которым здесь встречали труппу Кировского балета. Но разговор всё равно поворачивает к тем событиям 1965 года.

Алексей Леонов:

— Семь аварий было на борту в том полёте. Семь! Это был единственный опытный корабль. В какой-то момент я даже смалодушничал: сколько же можно! Но когда приземлились, это была огромная радость — в любом случае это Земля!

Паша меня спрашивает: «Где мы находимся?» Отвечаю: «Где-то между Обью и Енисеем. Если за нами через три месяца на собаках придут, то хорошо». Открыли люк, а воздух чистый-чистый! Я выпрыгнул и оказался по горло в снегу. Развернул радиостанцию, стал передавать сигнал. Потом рассказывали, что его засекли в Петропавловске-Камчатском и Боннской обсерватории, но рядом никто не слышал.

Резко понизилась температура, даже берёзы затрепещали. «Паша, — говорю, — я замерзаю». Развели костёр, и он через полчаса на метр вниз ушёл — снег был уже рыхлый. У нас был спирт, но мы не могли его пить — жгло горло, которое и так было воспалено от чистого кислорода. Была ещё туба с кофе. Поставили разогреть на костёр, отвлеклись, и она, как ракета, улетела куда-то. Но тут уже спасательный вертолёт над нами завис. Сбросили термос — он разбился. Одежда была очень кстати. Правда, брюки повисли на берёзах. Как сейчас помню, там ещё были сухари. Причём там кто-то откусил, так и засушили, а потом нам сбросили. И вкусная-превкусная сырокопчёная колбаса.

Глядя в прошлое, Алексей Леонов рассказывает, как лесоруб Василий

Наседкин тут же сделал им сруб метра три на четыре для того, чтобы там можно было провести ночь; как на следующий день сбросили огромный котёл, и они с Беляевым в этом котле мылись.

Алексей Леонов:

— Тайга и посреди неё — голые мужики моются в котле, который на костре стоит!

Помнит Леонов, как, когда Брежнев звонили, окна в помещении были все заиндевелые, и ребятишки их облипли. Их не пускали, а им очень хотелось посмотреть. И ещё ему запомнилось, как вышли из самолёта в Казахстане — в зимних шапках, ватных штанах, куртках, а навстречу им комиссия во главе с Королёвым в рубашках с коротким рукавом. Постояли друг против друга, а потом как кинулись обниматься! ■

